

- Хотя бы звук можешь издать? Ты и речь школьного тирана запилить можешь, - Цинь Чэн прислонился к стене больничного коридора, поднял взгляд и посмотрел Цзянь Хэну в лицо. Слова врача крутились у него в голове, словно проклятие.

«Из-за высокой совместимости альфа-феромонов частота ваших периодов существенно увеличилась. Если ничего не произойдет, они начнут приходиться раз в месяц и длится по три-пять дней за раз. Надеюсь, вы двое в это время будете поблизости друг от друга...» Что за чушь!

Раз в месяц по три-пять дней придется пыряться на лицо Цзянь Хэна. Неужели в прошлой жизни я уничтожил Землю, и поэтому меня так наказали?

Цзянь Хэн тоже прислонился к стене. Лицо у него было спокойным, словно у старого врача, принимающего сумасшедшего пациента. И пациентом был Цинь Чэн. После долгого молчания Цзянь Хэн наконец-то соизволил открыть рот:

- Если в период восприимчивости с тобой что-нибудь случится - обращайся.

Такое холодное и бессердечное заявление, а ведь доктор сказал, что Цинь Чэн пострадал больше, чем Цзянь Хэн. Однако, услышав от Цзянь Хэна эти слова, Цинь Чэн наоборот почувствовал облегчение.

Какие у них были отношения? Они были знакомы два дня и испытывали друг к другу неприязнь. То, что его насильно заставляли прилипнуть к Цзянь Хэну, не говоря уже о чем-либо другом, вызывало у Цинь Чэна отвращение. Более того, он чувствовал, что Цзянь Хэн испытывал еще большее отвращение, чем он сам.

Слова «Если с тобой что-нибудь случится - обращайся» были действительно лучшим способом разобраться с этими отношениями. В общем, они уладили дело миром.

Полагаясь на то, что у топ-альфа обычно хорошее физическое состояние, и особых проблем у них не было, оба вернулись домой и отправились в 301 и 302 квартиры - каждый в свою. Никто из них не заикнулся о том, чтобы «быть поблизости друг от друга». Цинь Чэн не знал, о чем думал Цзянь Хэн, зато знал, что тот хотел помолчать.

Когда Цинь Чэн вошел в свою квартиру, Сун Инмэй, держа в руках кошелек, собиралась открыть дверь. Она нахмурилась, а в глазах у нее отражалось нетерпение. Только увидев сына, она тут же оглядела его с ног до головы, взяла его за руки и погладила лицо. Ее голос дрожал от страха:

- Только что позвонила твоя учительница и сказала, что ты потерял сознание и тебя увезли в больницу. Что случилось? Где у тебя болит? Тебя осмотрели? Сходи туда еще раз с мамой - пусть внимательно все проверят. Это от того, что ты слишком поздно ложишься спать? В будущем...

- Мам, мам, все хорошо, - Цинь Чэн обнял ее, своей высокой фигурой полностью закрыв ее хрупкое тело. Входя в дом, он еще раз повторил. - Мама, все нормально.

Лао Сюй все-таки не сдержала обещания и позвонила матери, но в то же время оказалась достаточно любезна, чтобы позвонить, дождавшись его выписки из больницы.

Цинь Чэн не осмелился сказать матери правду. Он обнял ее и попытался кокетством смягчить ситуацию.

- Я просто не поел утром, и у меня снизился уровень сахара в крови. Утром я бегал с Тан Ци и ненадолго потерял сознание. Доктор сказал мне, чтобы я дальше следил за своим питанием. Это никак не связано с тем, когда я ложусь спать.

Сун Инмэй явно ему не поверила. Она несколько раз потрогала его лоб, и глаза у нее блестели от беспокойства.

- Как все может быть в порядке? У тебя такое бледное лицо...

Цинь Чэн умел успокаивать мать и лгал, не моргнув глазом. Он положил ей голову на плечо, потерся об нее и начал строить милашку:

- Если ты приготовишь мне что-нибудь вкусненькое, у меня не будет кружиться голова. Мам, я хочу жареные лепешки-ушки из клейкого риса* с начинкой из бобовой пасты...

Сун Инмэй расстроилась до такой степени, что сделала все по просьбе сына. Она сама отвела его в спальню, уложила в постель, разогрела ему еду и принесла ее в комнату. А еще она развела чашку сухого молока и была готова кормить сына с ложечки.

Цинь Чэн отпил из чашки глоток и едва заметно нахмурился: он не любил это питье - оно воняло. Однако в присутствии Сун Инмэй он проглотил все залпом. Цинь Чэн сунул в рот ложку еды и начал ее уговаривать:

- Мам, иди к себе. Со мной все в порядке. Я теперь могу сбегать на шестой этаж и обратно.

Его мать переволновалась нас столько, что лоб у нее покрылся потом. Если она не отдохнет, то может упасть в обморок.

- Не суетись, сегодня вечером я приготовлю тебе вкусненького, поспи сначала, - обеспокоенно предупредила его Сун Инмэй. Только осмотрев его еще разок и убедившись, что все в порядке, она вышла из комнаты.

Дверь закрылась.

Цинь Чэн с облегчением вздохнул, оставив миску. Он съел несколько кусочков, но не смог избавиться от привкуса молока во рту. Какое-то время он терпел, но потом не смог сдержать тошноту. Цинь Чэн нагнулся к краю кровати, его вырвало. Затем он выпил полстакана воды, чтобы унять рвоту, снова прислонился к спинке кровати и замер.

Его взгляд опустел, а по всему телу разлилась запоздалая усталость. Он начал размышлять.

До того, как начнется следующий период восприимчивости, следует ли мне как-нибудь уладить отношения с Цзянь Хэном? Принести там еще тарелку пирогов, передать, завязать дружбу с пирогами или типа того...

Эй, дружбан, давай-ка забудем об этом междусобойчике. Почему бы нам не покусать друг друга в следующий период?

Бл*! Слишком сахарная картинка, даже думать об этом не могу!

Честно говоря, когда он в 15 лет дифференцировался впервые, у него был жизненный план – найти совместимую омегу и провести вместе с ним или с ней остаток жизни. Такая обыкновенная цель.

Но реальность оказалась слишком жестокой. На следующий день ему сказали: «У вас нечувствительность к феромонам омег. Вы не можете чувствовать их феромоны и периодов восприимчивости у вас тоже не будет. Но это неважно, потому что омеги чувствовать ваши феромоны могут».

И с того самого дня его жизненный план изменился. Он хотел найти подходящего омегу, который не стал бы презирать его за «фригидность».

А теперь ему пришлось отменить оба плана. Ему придется искать не просто подходящую омегу, которая не будет презирать его за «фригидность», но еще и такую, которая не станет возражать против того, что он будет каждый месяц проводить от трех до пяти дней с другим альфой.

Чем больше Цинь Чэн строил планы, тем больше он казался себе мерзавцем. В глазах натурала Цинь-гэ партнером альфы должна быть омега. И раз уж они вместе, он должен быть верен их любви и той, с которой он не расстанется до конца жизни.

Очень старомодно.

Но внезапно несчастный случай нарушил его спокойствие и сделал еще хуже и без того пессимистичную ситуацию...

Цинь Чэн подумывал начать принимать лекарства прямо сейчас, но врач сказал, что его

нынешнее состояние невозможно облегчить с помощью лекарств, и только после нескольких лет общения с Цзянь Хэном у Цинь Чэна появится возможность постепенно адаптироваться к лечению.

Несколько лет. Цинь Чэн выругался и улегся на кровать. Что это за, мать их, такие человеческие страдания?

Когда Цинь Чэн проснулся, было почти пять часов. Он вел себя довольно распущенно и до сих пор, но последние два дня оказались особенно постыдными. Он каждый день спал дома так, будто собирался навсегда попрощаться с миром – даже сон на уроках выглядел более уместно.

Он заглянул в щель в дверном проеме и увидел, что его мать спит. Рядом с ее подушкой лежала вышивка крестиком. Должно быть она уснула совсем недавно.

Еды дома не было. Чтобы как можно лучше изобразить человека с низким уровнем сахара крови, Цинь Чэн взял свой велосипед и толкнул дверь. Он решил прогуляться до овощного рынка.

Когда он поднял голову, Цзянь Хэн, одетый в полностью черный спортивный костюм, собирался спуститься вниз. Судя по всему, шел он на тренировку.

Цинь Чэн вынужден был признать, что черный цвет и этот Цзянь Хэн подходили друг другу. В черной одежде и с холодным лицом он распространял свою ауру на 2,8 метра минимум.

Высокий, длинноногий, с легкой холодностью на лице. Была бы тут рядом симпатичная девушка – упала бы, наверное, в обморок от такой красоты с одного взгляда. Но сам Цинь Чэн был крепким орешком. Он не только в обморок не упал, но захотел развернуться и уйти домой, как будто бы никогда раньше этого человека не видел.

Внушительная и холодная аура Цзянь Хэна не давала Цинь Чэну заговорить первым. В глубине души он продолжал печалиться и чувствовал себя очень несчастным от того, что не мог найти свою идеальную возлюбленную омегу. Какое-то время ему не хотелось заговаривать с Цзянь Хэном по своей инициативе.

Они двое смотрели друг на друга, не зная, что делать. Их глаза сцепились в яростной схватке, взгляды поднимали бурю в ином измерении, где солнце и луна теряли свой свет, и во все стороны летели искры.

В конце концов первым не выдержал Цинь Чэн. Его победил велосипед в руках.

- Бегаешь? - Цинь Чэн говорил лаконично и по делу. Любые дополнительные слова делали его

поражение еще хуже.

- Хм, - Цзянь Хэн был еще лаконичнее.

Цинь Чэн спустился вниз первым, пока атмосфера не накалилась. Ему не хотелось обсуждать с Цзянь Хэном глубокие темы вроде того, где тут бегать и когда тут бегать. Цзянь Хэн, вероятно, был в этом заинтересован еще меньше, чем он.

Спускаясь по лестнице, Цзянь Хэн держался на три шага позади него. Краем глаза Цинь Чэн видел его черные кроссовки, половину открытой лодыжки и стройные ноги.

Цзянь Хэн очень дисциплинированно, шаг за шагом спускался по ступенькам. У него был идеальный изгиб икр, который согревал сердце и радовал глаз. Цинь Чэн подозревал, что тот тренировался.

Словно павлин, сопротивляясь представителю того же пола, равного ему по силе, Цинь Чэн решил, что его собственные ноги длиннее и красивее.

Внизу лестницы Цинь Чэн раздумывал, стоит ли ему сказать «Ну я пошел» и закончить начатое, но тут его внимание привлекли действия Цзянь Хэна.

Цзянь Хэн стоял внизу, не двигаясь дальше. Он повернул голову и посмотрел на перила рядом с небольшими сломанными клумбами - там была специальная стоянка, где можно было пристегивать велосипеды, но никто в их районе не стал бы их там оставлять. Если быть точным, никто в городе Цзиньхуа не стал бы этого делать.

- Потерял велосипед? - Цинь Чэн выразил соболезнования из человеколюбия, но в его тоне сквозило невыразимое злорадство.

Что, довыпендривался?

Цзянь Хэн его проигнорировал. Осмотревшись и убедившись, что велосипед действительно исчез, Цзянь Хэн направился пешком ко входу в квартал. И не выказал ни малейшего намерения ответить.

Цинь Чэн почувствовал себя идиотом из-за того, что только что ввязался в эту историю. Он резко нажал на педали и велосипед рванул вперед, обогнав одетого во все черное Цзянь Хэна.

У папочки Циня велосипед, так что глотайте пыль позади, раз догнать не можете, верно?

Мир прекрасен и справедлив. Например, если вы только что посмеялись над человеком, потерявшим велосипед, мир перевернется, и вы упадете с велосипеда прямо перед этим

человеком.

У Цинь Чэна все еще кружилась голова, когда Цзянь Хэн поднял его за шиворот. Все тело прижалось к рукам Цзянь Хэна, словно лапша. Цинь Чэн даже не стеснялся того, что его обнимает другой альфа. Ему хотелось погладить...

- Цинь Чэн, - позвал его Цзянь Хэн. Охрипший голос дал разбушевавшемуся мозгу Цинь Чэна понять, что Цзянь Хэн тоже не в нормальном состоянии.

Но ему все равно хотелось это погладить.

Шлеп.

- Бл*!

Цинь Чэн закрыл лицо руками, не веря, что получил пощечину. Преступник без малейшего раскаяния вытряхнул его из объятий и тянул только за шиворот футболки, чтобы удержать в равновесии.

- ...Я что, чертова бактерия? - к Цинь Чэну еще не вернулись силы, а дыхательные пути заполнил аромат ладана, и лишь это не давало ему упасть в обморок.

Цзянь Хэн не обратил внимания на слова и посмотрел на него, слегка нахмурившись. Рука, державшая Цинь Чэна за шиворот, напряглась.

- Период восприимчивости еще не прошел, - сказал Цзянь Хэн лишь спустя долгое время.

Цинь Чэн выдавил «А» пересохшим ртом.

Период не только не прошел - все стало еще хуже. Они расстались всего на несколько часов, а Цинь Чэн внезапно потерял сознание прямо во время езды на велосипеде. Если бы Цзянь Хэна не оказалось рядом, ему пришлось бы снова ехать в больницу.

- Ты...

- Ты...

Цинь Чэн был ошарашен. Он подождал несколько секунд. Видя, что Цзянь Хэн и вправду не собирается продолжать разговор, он тихо сделал это сам.

- Где ты собирался бегать?

- Я не бегаю, - Цзянь Хэн бросил на него взгляд.

Цинь Чэн замолчал.

Нельзя воспринимать слова Цзянь Хэна всерьез. Этот парень способен выдумать любую чушь, ради того, чтобы похвастаться.

Чувствуя слабость в ногах, Цинь Чэн оперся на кулак. Кроме голоса, ничто не выдавало, что с Цзянь Хэном что-то не так. Этот синдром альфа-совместимости тоже с бл***кими двойными стандартами.

- Можно тебя попросить меня укусить? - спросил охрипшим голосом Цинь Чэн.

- Нет, - просто отказался Цзянь Хэн.

Цинь Чэн повернул голову и посмотрел на него. Он двинулся слишком резко, и его шея хрустнула. Цинь Чэн заметил, как сверкнули глаза Цзянь Хэна.

Цинь-гэ так испугался, что шею свернул.

Возможно, по-настоящему испугавшись того, что он умеет, Цзянь Хэн в первый раз пояснил:

- Врач сказал, что пока есть эта проблема, если держаться вместе, то это может ее облегчить. Нет смысла кусать, а потом разъединяться.

- О.

В воздухе снова повисла тишина. Цинь Чэн считал, что может приспособиться к подобной неловкости, даже если она будет повторяться из раза в раз. Воистину, человеческий потенциал безграничен.

- Куда собрался? - Цзянь Хэн поддерживал его одной рукой. Слегка наклонившись, другой рукой он поднял велосипед, открыв черный напульсник на запястье.

- Продукты купить, - ответил Цинь Чэн.

Цзянь Хэн застыл, это было заметно. Возможно, он не ожидал, что Цинь Чэн с его-то внешностью окажется хорошим семьянином.

- Пошли, - Цзянь Хэн его поднял и забрался на велосипед, опираясь на свои длинные ноги. Казалось, его узкие глаза с насмешкой смотрели на Цинь Чэна. - Залезть сможешь?

Цинь Чэн вышел из себя. Ему было слишком плохо. Теперь он надеялся только на свою стойкость и решимость «не потерять лицо», чтобы удержаться, не подпрыгнуть и не укусить кое-кого в заднюю часть шеи. Он заставил себя сесть на багажник, но Цзянь Хэн не двигался.

Через пару секунд Цинь Чэн обхватил руками его талию и уткнулся лицом в его спину, словно сдаваясь. Он прижался к нему всем телом.

В тот миг, когда они оказались совсем близко, их феромоны сплелись в безумный клубок. Аромат ладана и влажной древесины смешались. Холод феромонов рассеялся, а воздух постепенно наполнился теплом, словно дрова, потрескивающие в печи зимой.

Несколько минут назад Цинь Чэн был тем самым Цинь-гэ, который сам крутил педали и посмеивался над окружающими. Через пару минут он превратился в нежный цветочек Цинь, который лежал на спине парня и даже крутить педали не мог.

Ему больше не нужно это лицо.

Должно быть, в прошлой жизни он не Землю уничтожил, он уничтожил галактику.

Автору есть, что сказать.

Ваш пирожок сидит на корточках в углу и шепчет: «Мир очень справедлив...»

Примечание анлейтера.

Жареные лепешки из клейкого риса 油渣糕 (yóu zhá gāo) или жареный пирог с ухом 馃子 (ěr duǒ yǎn zhà gāo)] – популярная уличная еда в Тяньцзине, Китай. Был изобретен уличным торговцем Лу Ваньчунем во время правления императора Гуаньсюй. На самом деле в нем не содержится никакого мяса, не говоря уже о свиных ушах или чем-то таком. Название происходит от хутуна «Ушная дырка», где была основана закусочная.

<http://bllate.org/book/13909/1225822>